

8. **Шамова Т. И.** Кластерный подход к развитию образовательных систем // Взаимодействия образовательных учреждений и институтов социума в обеспечении эффективности, доступности и качества образования региона : материалы X международного образоват. форума. – Белгород : БелГУ, 2006. – Ч. I. – С. 24–29.

УДК 008

АРХИТЕКТУРНАЯ КРИТИКА В ПРОЦЕССАХ ВОСПРОИЗВОДСТВА И РАЗВИТИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

Н. В. Багрова (Новосибирск)

В статье ставится проблема профессиональной инкультурации студента-архитектора. Основной тезис обосновывает важность освоения в образовательной программе подготовки архитектора основ методологии архитектурно-критической деятельности с позиции значимости ее функционирования в качестве элемента системы профессиональной культуры в процессах ее воспроизводства и развития.

Ключевые слова: *инкультурация в профессиональной культуре, архитектурно-критическая рефлексия.*

ARCHITECTURAL CRITIC IN THE REPRODUCTION AND DEVELOPMENT OF PROFESSIONAL CULTURE

N. V. Bagrova (Novosibirsk)

The article posed the problem of professional inculturation of the architect student. The main thesis proves the importance of developing the methodology of architectural criticism in architect's educational program from a position of its operation importance as part of a professional culture in the processes of its reproduction and development.

Key words: *inculturation in the professional culture, architecture and critical reflection.*

Проблема осмысления процесса профессиональной инкультурации как вхождения в профессиональную культуру, освоения ее норм и ценностей с позиций компетентного подхода представляет собой уравнение со многими неизвестными. Множественность позиций в интерпретации результатов обучения и образовательных моделей вызывает актуальность обращения к «предельным» горизонтам и самым глубоким основаниям профессиональной культуры. Действительно, современные модернизационные процессы настолько же обширны, насколько и глубоки. Споры о

Багрова Наталья Викторовна – кандидат культурологии, первый проректор Новосибирской государственной архитектурно-художественной академии.
630099, г. Новосибирск, Красный проспект, д. 38.
E-mail: a2000407@yandex.ru

содержании образовательных программ «академистов» перекрываются голосами «производственников», полемизирующих о содержании требований национальных квалификационных рамок, и, наконец, уходят в культурологические размышления о предстоящих судьбах профессиональной культуры в ее сущностных категориях.

В этой динамике, очевидно отражающейся на движении мысли о самых фундаментальных основаниях профессии, наибольшей инструментальностью осмысления, на наш взгляд, обладают связи, устанавливаемые между процессами профессиональной культуры и текущими проблемными ситуациями педагогического проектирования. Развитие совместной научно-исследовательской деятельности студентов и преподавателей в образовательных программах профессиональной архитектурной подготовки, на наш взгляд, способствует установлению корреляций между текущим состоянием профессиональной культуры и педагогической действительностью. Таким образом, представляется целесообразным переход к новым гуманитарным образовательным технологиям на основе развития рефлексивного сознания в контексте изучения феноменов профессиональной культуры.

В качестве одного из таких феноменов рассматривается элемент профессиональной культуры архитектора, берущий на себя основные рефлексивные функции, а именно, – архитектурно-критическая составляющая. Изучение методологии архитектурной критики в комплексе с ознакомлением с академическим знанием, поставляемым теорией и историей архитектуры, в контексте развития архитектуроведения способствует формированию у студентов теоретического сознания, позволяющего универсально подходить к анализу профессиональных задач, в том числе, и в ситуациях неопределенности.

В целях проектирования игровых учебных симуляций в образовательном процессе творческих специальностей актуальным является рассмотрение феномена архитектурной критики и интерпретации полученных результатов в новых гуманитарных образовательных технологиях сотворчества студента и преподавателя. Архитектурная критика в этом аспекте выступает в качестве прообраза рефлексивного механизма культуры. Осмысляя и творчески перерабатывая критические материалы, студенты реконструируют технологии и алгоритмы позиционирования артефакта в культуре, что способствует развитию критического мышления и формированию собственного арсенала универсальных средств действия в ситуации самоопределения. С этой целью проводится функциональный анализ архитектурной критики в процессах воспроизводства и развития культуры.

Исходные посылки адекватности культурному объекту критической репрезентации следует рассматривать в полипарадигмальной, объективно-субъективной логике, в которой, единственно возможен верный анализ культуры и ее феноменов. Действительно, в пространстве классической объективистской методологии проблема семиотического сотворчества критика автору не только не решаема, но и фактически не может быть поставлена. «Истина», в отличие от «идеала», принципиально объективна и не зависит от факторов личностного характера. Поэтому рассмот-

рим архитектурно-критическую деятельность как самоориентирующийся и самоутрачивающийся по отношению к истине феномен культуры.

Критическая рефлексия, по мнению М. Г. Сульберековой, не ограничивается рамками произведения, но анализирует как культурный контекст его, так и самое себя: «в результате рефлексии художественной критики обнаруживается схема действия с эталоном, проясняются как механизм осуществления «выбора эталона», так и схема действия реципиента с эталонным произведением искусства. В процессе постоянной самокоррекции суждения критика посредством мысленной реконструкции границ вариаций художественного образа при его экстраполяции на участие другого возможного реципиента проявляется область экстраполяции эталонных схем действия» [1, с. 20]. Посредством данной идеи, представляющей крайне интересной, мы приходим к мысли о том, что субъективность и асимптотический характер критического суждения в процессах воспроизводства и развития профессиональной культуры играют решающую роль ее саморегулирования. Соотнося данное представление с моделью культуры М. С. Кагана, допустимо будет предположить, что спиралевидный: с одной стороны – самозамыкающийся; с другой – выводящий на новый уровень, характер развития вообще естественно присущ феноменам культуры, сопровождающим ее существование и самосознание.

«Сегодня главными функциями критики являются организация понимания существа и содержания происходящих процессов, с которыми сталкиваются архитекторы в своей деятельности, а также идей и ценностей, в рамках которых живут и работают разные архитекторы, соорганизация участников общей работы...» [2]. И «если мы мыслим произведение искусства, как «проявленный жест бытия», то его критическая оценка оказывается всегда диалогом с некоторым абсолютом. И даже не диалогом, а полилогом, так как здесь имеет место некий «перевод» смыслов и ценностей из сферы подсознательного в область сознания не только творца, но и самого воспринимающего это произведение искусства. Критик же занимается обнаружением и оценкой неявных, чаще всего лишь смутно подозреваемых смыслов» [3, с. 34]. Эту же мысль разделяют и другие исследователи. Например, С. Вайман формулирует ее же – хотя и более поэтичным образом, так: «не следует представлять критико-познавательный процесс в виде бросков ковша, извлекающего <...> готовые смыслы <...> Смыслы эти не дремлют до срока <...> но всякий раз творятся в пространстве общения с текстом живой, любящей, страдающей или негодующей личности, именно: профессионального критика» [4, с. 178].

Основу функциональности критики как элемента профессиональной архитектурной культуры составляет, в первую очередь, коммуникативная функция. Критика вербализует, переводит на универсальный язык образность, рожденную архитектурой. Используя методологию литературного творчества, критика выстраивает систему каналов трансляции идей и образов между разными областями искусства посредством универсального языка, обогащая архитектуру новыми идеями и ценностями и способствуя развитию архитектурной культуры.

Основными функциями архитектурной критики как элемента профессиональной культуры в процессе ее воспроизводства являются селектив-

ная, нормирующая, транслирующая функции. Критика отбирает, описывает и передает в поколениях культурные образцы. В процессе развития идей, ценностей, норм и образцов профессиональной культуры критика достраивает и экстраполирует смыслы, рожденные архитектурной образностью. В этих случаях критик выступает соавтором архитектора, воссоздавая или пересоздавая архитектурный объект в культуре. В этой связи теоретик архитектуры В. Л. Глазычев писал: «Критики – не судьи, а архитекторы – не подсудимые. У архитектурной критики более существенная роль: ломая любые табу, любые шаблоны мысли, стремиться к развитию архитектуры, нацеленной на достижение лучшего качества жизни, повышение мощи творчества, на яркое выражение индивидуального и коллективного воображения. Критика должна быть признана сущностной частью архитектурного процесса – от стадии первичного замысла до стадии реализации» [5, с. 75].

Архитектурная критика представляет собой опыт культуры, сочетающий знания и творчество. Это самоценностная, но не автономная сфера творчества, порождающая собственные образные произведения. Критика «достраивает» смыслы, рожденные в сфере архитектурной образности, и, зачастую, выступает соавтором архитектурного произведения, помогая «второму рождению» или перерождению архитектурного артефакта в общественном сознании. Критика часто вскрывает или деконструирует смыслы, неосознанные авторами архитектурных произведений, меняя значимость артефакта в культуре. Критика меняет судьбу артефакта, возрождает забытое, актуализирует образы прошлого, несущие потенциал будущего.

В середине XX в. Т. М. Грином было выделено три стороны критической деятельности: историческая, воссоздающая и оценивающая [6]. Каждая из сторон связывалась с соответствующими сторонами самого произведения искусства: критика с точки зрения исторической – с историческим характером и направленностью произведения, воссоздающая критика – с его своеобразной индивидуальностью, оценивающая критика – с его художественной ценностью. Все три стороны критики выделялись как взаимообусловленные факторы единого органического художественного процесса. Их отношение друг к другу рассматривалось по аналогии с взаимоотношением стиля, индивидуальности и ценности в самом произведении искусства.

В более современных работах, определяющих место критики в культуре, мы видим представление о критике, прежде всего, как об исполнителе функции культурной навигации. Локализация критики в средства массовой информации, стратегии которых однозначно связаны с маркетинговыми факторами, массово приводит к утрате ее «незаинтересованности», неангажированности – требования, выдвинутого еще И. Кантом.

Как описывает данную ситуацию Л. М. Немченко: «часто именно обозреватели способствуют продвижению художественного продукта, таким образом включаясь в маркетинговые стратегии художественного производства... Реально это означает отказ от аналитики, в более мягком варианте – означает формирование новой способности эксперта быть «практиком» в том смысле, что все, что он говорит, должно связываться с ре-

альной жизнью людей» [7]. Очевидно, что в данной ситуации на первый план выходит именно навигационная, популяризаторская функция критики.

Следующей за навигационной функцией, по причине ее большей сложности, представляется когнитивно-регулятивная функция художественной критики. Ключевой фактор данной функции критики заключается в словах «понимание» и «структурирование». Как отмечают современные исследователи феномена критики, «перемещение акцента с производителя на потребителя произведения искусства приводит и к тому, что в рамках критического дискурса неприемлемым оказывается утверждение единственно верного значения» [8]. А ведь, как указывалось выше, именно честность критики долгое время была фактором оценки ее значимости.

Думается, что смещение акцента с точности на структурность дает современной критике возможность целенаправленной и осмысленной деятельности в условиях порожденного постмодернизмом эстетического и ценностного релятивизма. В ситуации, когда запрещена апелляция к абсолютным координатам, огромную важность приобретает ориентация по координатам частным; их соотносительность друг с другом, их внутренняя логика. Посредством когнитивно-регуляторной функции критики производится как сопоставительный, так и систематизирующий анализ явлений культуры, исследование их генезиса.

Разумеется, эта функция в мире искусства не предполагает столь отстраненного положения критика, как того требует научный подход – напротив, «не только художник, но и критик всегда обнаруживает себя не там, где его ждут. Современный критик не может быть вне, он, как вирус, самоинсталлирует себя в программу создания и функционирования художественного образа. Другая задача его – вовлечь в произведение зрителя, подключить его ресурс чувства актуального» [9]. Как будет показано ниже, критик вводит не только автора, реципиента и темпоральный контекст, но и самое себя в исследуемое пространство в качестве одной из переменных.

Однако, именно в контексте когнитивно-регулятивной функции критики, наше внимание привлекает аспект критической деятельности, определяемый через формулировку В. С. Библера: «интегральное определение: культура — это сфера произведений» [10, с. 206]. Внимание наше, тем самым, привлекается не столько к саморефлексии (которая коррелирует с данной функцией, но в целом с ней не идентична), а с вопросом оценки и вмысливания некоего объекта как объекта ценности, соотносимого с неким абсолютом (даже в случае постмодернистической оценки) – или отвержения его как случайного и незначимого, причем значимость эта продолжает оставаться сугубо и исключительно семиотической. Продолжая опираться на мысль В. С. Библера, приведем его рассуждение: «цивилизация – в интенции на культуру – сосредоточивается (кристаллизуется) в некой вещи, в которой (как жизнь в янтаре) может навеки развиться и замыкаться произведение культуры» [10, с. 212]. Именно когнитивно-регулятивная функция критики служит выведению объекта культуры из контекста обыденности и инициирует процесс кристаллизации времени и культурных контекстов вокруг рядового объекта. Только

объект, прошедший полную критическую оценку, не ограниченную одной критической школой и тем более мнением одного аналитика, со временем может приобретает статус, о котором В. С. Библер говорит – «вещь культуры». Этот вещный, технологичный посол цивилизации в мире культуры выступает как (совершенствуемый и переходящий от эпохи – к эпохе, зачастую через две-три культурных сферы) некий кристалл диалога культур» [10, с. 213].

Однако необходимость критического, а именно структурирующего сопровождения, сохраняется и тогда, когда объект признан «вещью культуры». Четвертая и пятая фазы спирали в модели культуры М. С. Кагана (а именно: вторичные способы деятельности, служащие уже не опредмечиванию, а распредмечиванию тех человеческих качеств, которые сохраняются в предметном бытии культуры, то есть фаза субъективизации объективированного культурного смысла), и связь процессов опредмечивания и распредмечивания с общением участвующих в них людей как особым аспектом человеческой деятельности) – также катализируются именно критикой.

Тем самым логика наших рассуждений естественно приводит нас к наиболее спорной из функций художественной критики, а именно к идеологической функции. Специфика данной функции, ее сложность, заключаются в том, что некорректное ее выполнение граничит с извращением смысла и цели критики как таковой. Однако, как уже было сказано выше, наличие адекватно структурированной субъективной оценки только увеличивает, но не уменьшает ценность критического суждения. Думается, граница проходит в соответствии с уровнем отрефлектированности и принятия неизбежной релятивности идеологической составляющей художественной критики. Идеологическая сущность критики выражается в направляющей, объясняющей и мотивирующей конкретный выбор идеалов, эталонов, на соответствие с которыми (как будет показано ниже) строится критический анализ. Характер структуризации не эстетических, но ценностных значений искусства – вот чем является неангажированная, чистая от внешних влияний идеологическая функция культуры.

Развивая мысль об идеологической стороне задач критической деятельности, мы должны отметить как важный момент предположение, гласящее, что культурологические функции критики предписывают ей тем более субъективный, феноменологический характер, чем более рационально оцениваемое содержание; и тем более рациональный – чем более оцениваемое субъективно. Оставляя на время в стороне исторические, художественные и прагматические функции критики, с культурологической точки зрения, критика призвана постоянно восстанавливать сопряжение субъекта и объекта, а точнее – напоминать о его существовании, эксплицировать это сопряжение. Б. О. Бернштейн говорил, что критика – «теоретическая и преобразовательная деятельность вместе, она на порядок ближе к искусству, (чем наука. – Н. Б.) и ей неизбежно передается некоторая часть его интегрирующей способности» [11, с. 25].

Помимо этого в пространстве культуры существует такая важная функция критики, как отображение реакции современников, их восприятие произведения, создающая для следующих поколений не только важную

часть ауры произведения, но и, напротив, позволяет исследователю выстраивать образ самого того времени, отталкиваясь от произведения и исследуя разницу реакций. Как об этом сказал В. Бондаренко: «Критик – равен времени, исполняет его роль» [12]. Конечный итог критики – вращение ее в произведение, сигнатура контекста современности. Недаром классика преподносится, как правило, в комплекте с наиболее типичными суждениями о ней современников. Данная мысль особенно остро подчеркивает высокую ценность, казалось бы, неструктурированных, зачастую интуитивных, оценок и мнений критика, поскольку сами эти мнения и оценки со временем становятся незаменимым научным материалом, подвергающимся, в свою очередь, уже более строгому анализу.

В этом смысле, имея в виду функцию критики как озвучивания реакций «молчаливого большинства», публики, вообще любого воспринимающего, функцию вербализации, Е. Барабанов пишет: «сюжеты современного искусства нельзя оставлять в рамках энтимем; они нуждаются в обязательном проговаривании сокровенного, в предельной проявленности предпонятий и метафор, в различении, разборе, испытании, суде. Это и есть прямое дело критики по отношению к современному искусству» [13].

Сложной и важной функцией критики представляется нам репрезентация культуры. М. Г. Сульберекова, формулирует сущность художественной критики следующим образом: «критика – суть рефлексия системы произведений искусства, имманентно присущая всем процессам художественной культуры, в снятом виде всегда присутствующая в произведении искусства, и в ходе операционного взаимодействия с ним кристаллизуемая в публикациях художественной критики. Научно-публицистический критический текст актуализирует развитие системы произведений <...> искусства посредством обогащения способов рефлексии художественной культуры» [1, с. 22]. Однако ставшая уже традиционной проблематика дуального характера критики по-прежнему остается вопросом, который, даже будучи отрефлексирован как в культурологическом, так и в критическом дискурсах, не имеет даже намёток решения в общем виде. И. В. Тарасова и О. А. Шипицына, например, формулируют эту дуальность следующим образом: «в качестве специфического творческого метода архитектурной критики был определен метод критического познания, противоречие которого было обусловлено противоречивой природой критики, сочетающей постижение объективной действительности, возможное методами науки, с постижением субъективно-оценочного отношения к этой действительности, доступным лишь художественной интуиции» [14, с. 55].

В целом следует отметить, что данное определение полностью согласуется с выводами, сделанными в данной главе нашего исследования; однако не в полной степени их охватывает. Как представляется на основе проведенного анализа, дуальный субъективно-объективный характер неотъемлемо присущ не только самой критической деятельности, но и культуре как объекту анализа критики; и, что менее бросается в глаза, но не менее принципиально, любой деятельности в контексте культуры.

Думается также, что важным компонентом методологии критической деятельности в пространстве культурного мира является также очеред-

ность и своевременность смены ракурсов с объективного на субъективный. Как было показано выше, при решении данной методологической задачи наиболее уместно использование спиралевидной модели культуры М. С. Кагана, подразумевающее развитие культурного объекта через пошаговое преобразование культурного смысла: из объективного общекультурного в субъективный личностно-культурный и обратно, через деятельность, вновь на объективный уровень и оттуда, через рефлексию – вновь в субъективность; на каждый конкретный момент любой культурный феномен (а, значит, и критика) имеет не только определенное расположение на оси субъективность-объективность, но и вектор смещения, который возможно и должно учитывать.

Таким образом, критика, рефлексирова сообразность выбираемой в конкретном случае методологической схемы, опирается, в том числе, и на данный вектор, определяющий, следует ли ей, в каждом конкретном случае, объективировать, классифицировать и систематизировать облако накопленных дискурсом субъективных впечатлений, созданных некоторым культурным объектом, или же, напротив, отражать субъективное воздействие, оказываемое культурным объектом на субъект, заранее типизированный по определенным критериям.

В завершение статьи необходимо остановиться на следующих выводах и рекомендациях по организации совместной научно-исследовательской работы студентов и преподавателей в курсе изучения основ методологии архитектурной критики основной образовательной программы подготовки архитекторов.

1. Архитектурно-критическая методология как один из способов познания подчиняется законам познания в целом.

2. Тщательная рефлексия методологических предубеждений культурологического подхода к изучаемому феномену является необходимым условием создания имеющего научное обоснование, способного быть интегрируемым в образовательный процесс, академического знания.

3. Рационалистические и феноменологические методы критического исследования архитектуры в ходе изучения архитектурной критики должны сохранять паритет; причем анализ специфики как предмета, так и методов исследования архитектурного артефакта показывает принципиальную необходимость согласованного совместного использования этих методов в каждом учебном задании. Специфика критики как одновременного подмножества культуры и культурологии требует не только согласованного применения как рационалистического, так и феноменологического методов, но и постоянной рефлексии актуализации того или другого в соответствии со спецификой анализируемого объекта и конкретной задачи критики.

4. Специфика предмета архитектурно-критического знания требует для получения адекватных своей онтологии представлений построения моделей, учитывающих динамический характер существования архитектурного артефакта в общественном сознании и представление об принципиально неокончательном характере критического суждения по отношению к онтологии критикуемого объекта.

5. Роль субъективной стороны критики в процессах воспроизводства и развития культуры состоит в фиксации различных форм контекстуальности, в том числе рефлексии и элиминации влияния предустановок критика.

В целом можно сказать, что необходимость решения проблемы профессиональной инкультурации сопровождает архитектора на протяжении всей профессиональной жизни. Задача профессионального образования как начального этапа профессионализации в части развития рефлексивных навыков ставится как осознание ситуации самоопределения, понимание многообразия подходов, освоение технологий и алгоритмов ориентирования в этой ситуации. Для этой цели в образовательную программу подготовки магистров архитектуры на завершающем седьмом году обучения включен практический научно-исследовательский курс «Архитектуроведение и архитектурная критика», целью которого является изучение основ методологии архитектурно-критической деятельности с позиции анализа ее функционирования в процессах воспроизводства и развития профессиональной культуры.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Сульберекова М. Г. Критика как орган саморефлексии художественной культуры : автореф. дис. ... канд. филос. наук : 24.00.01. – Великий Новгород, 2006. – 26 с.
2. Швецова И. В. Архитектурная критика: значение, функции, культура. – [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.a3d.ru/architecture/stat/151>.
3. Липская В. М. Художественная критика и «проявленный жест бытия» // Метафизика исповеди. Пространство и время исповедального слова : материалы международного конф. (Санкт-Петербург, 26–27 мая 1997 г.). – СПб. : Изд-во Института Человека РАН, 1997. – С. 33–37.
4. Вайман С. Т. Диалектика творческого процесса // Художественное творчество и психология / отв. ред. А. Я. Зись, М. Г. Ярошевский. – М. : Искусство, 1991. – С. 177–178.
5. Глазычев В. Л. Об архитектурной критике // Зодчество. – 1990. – № 3 (22). – С. 70–76
6. Грин Т. М. Природа и критерии критики // Современная книга по эстетике. – М., 1957. – С. 482–483.
7. Немченко Л. М. Художественная экспертиза в эпоху медиатехнологий – [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.ural-yeltsin.ru/usefiles/media/Nemchenko.doc>.
8. Туркина О., Мазин В. История и критика – [Электронный ресурс]. – URL: <http://xz.gif.ru/numbers/48-49/istoriya-kritika>.
9. Савчук В. Метакритическая решительность. – [Электронный ресурс]. – URL: <http://xz.gif.ru/numbers/55/8>.
10. Библер В. С. Цивилизация и культура. – М., 1993. – 270 с.
11. Бернштейн Б. О методологии критики // ДИ СССР. – № 5 (234). – 1977 – С. 25–27.
12. Бондаренко В. Критика – это литература! – [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.zavtra.ru/denlit/108/11.html>.
13. Барабанов Е. К критике критики. – [Электронный ресурс]. – URL: <http://xz.gif.ru/numbers/48-49/kritika-kritiki/>
14. Тарасова И. В., Шипицына О. А. Парадигма архитектурной критики: архитектурно-критическая деятельность в стратегическом измерении // Вестник ТГАСУ, 2007. – № 2. – С. 52–59.